

Юлия Иванова, Павел Соколов*

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД ОТ РОЖДЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ (ОТ ГРАЖДАНСКОЙ НАУКИ К МОДАЛЬНОЙ РИТОРИКЕ)**

Получено: 29.07.2020. Рецензировано: 20.08.2020. Принято: 19.09.2020.

Аннотация: В статье рассматриваются две стратегии рецепции гуманитарной эпистемологии раннего Нового времени, первая из которых видит в ней предварение историзма XIX – начала XX вв., а вторая — прецедент поворота к риторике и контингентности, аналогичный повороту к риторике в некоторых направлениях гуманитарной теории середины «XX» столетия. Отправной точкой исследования становится представление Бенедетто Кроче о философии неаполитанского философа Джамбаттисты Вико (1668–1744) как предварении романтизма («девятнадцатый век in nuce»; «il romanticismo fu vichiano»): концепция Кроче рассматривается как репрезентативный образец презентистского «присвоения» барочной гражданской науки. Эта концепция противопоставляется тем направлениям современной теоретической историографии раннего Нового времени, которые усматривают в «науках о контингентном» ресурс обновления актуальной гуманитарной теории; особенный акцент при этом делается на «модальной риторике» Н. С. Стрювер. Демонстрируется, что именно эта стратегия позволяет освободить философию неаполитанца от модернизирующих прочтений в духе романтизма и вернуть ее собственному времени.

Ключевые слова: Кроче, Вико, абсолютный историзм, модальная риторика, контингентность, топика, прагматизм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-15-35.

Вопрос об историческом методе сам, очевидно, историчен. В своей эксплицитной формулировке он возникает в XVI столетии у Жана Бодена на общей территории двух популярных жанров ученой литературы

*Иванова Юлия Владимировна, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Поletaева (ИГИТИ), jivanova@hse.ru, ORCID: 0000-0002-6847-2595; Соколов Павел Валерьевич, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Поletaева (ИГИТИ), psokolov@hse.ru, ORCID: 0000-0001-5817-2671.

**© Иванова, Ю. В.; Соколов, П. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

раннего Нового времени: «рассуждений о методе» и «исторического искусства» (*ars historica*) (Couzinet, 1996: 31–59). Очень быстро полемики об историческом методе выходят за границы риторики (излюбленная перспектива *artes historicae*) и топики (Боден) и воскрешают старую, восходящую к Аристотелю апорию эпистемологического статуса истории как невозможной «науки о единичном»: в этом смысле уже в начале XVII в. Варфоломей Кекерманн станет говорить о том, что у истории нет метода, потому что она есть «объяснение единичных и индивидуальных вещей», а значит — не дисциплина, не наука и даже не искусство (Кекерманн, Иванов, 2014: 221). То обстоятельство, что уже у авторов XVI – XVII вв. проблема метода в истории не сводилась к ремесленно-технической задаче выработки эвристически эффективных способов нахождения и верификации истин факта, а ставила фундаментальный вопрос о возможности истории как науки, дало возможность целому ряду авторов искать для собственной философии или теории истории прообраз именно в раннем Новом времени. В настоящем очерке мы рассмотрим две подобные попытки, которые отделяет друг от друга почти столетие, но объединяет ориентация на гражданскую науку раннего Нового времени, в особенности в ее версии, разработанной неаполитанским философом Джамбаттистой Вико: «абсолютный историзм» Бенедетто Кроче и «модальную риторику» Нэнси С. Стрювер.

Джамбаттиста Вико без преувеличения может быть назван философским *alter ego* своего земляка Бенедетто Кроче: неслучайно Кроче апеллирует именно к трудам неаполитанского философа, чтобы продемонстрировать ограниченность, своего рода философский гибридизм «абсолютного идеализма» Гегеля в воображаемом диалоге между безвестным мыслителем-виканцем из Неаполя и «философом в Берлине» (Кроче, Мальцева, 1999с: 84–100). Образ Вико у Кроче предстает как своего рода апофеоз «идолатрии истоков»: «новая наука» его являет собой весь философский «девятнадцатый век в зародыше» («*secolo decimonono in germe*»); по Кроче, романтизм прошел под знаком Вико (*il romanticismo fu vichiano*) и «едва ли не все основополагающие идеи идеалистической философии девятнадцатого столетия могут быть рассмотрены как возвращение (*ricorsi* — виканский термин) тех или иных концепций Вико» (Croce, 1922: 254).

Не ограничиваясь общими декларациями, Кроче приводит примеры вклады неаполитанца в европейскую духовную историю Отточенто: (1) прообразом идеалистического положения о тождестве бытия и мышления был тезис о тождестве истинного и созданного (*verum et factum*

reciprocantur — утверждение, согласно которому предметом истинного познания может быть только то, что самим этим познанием произведено) из «О наидревнейшей мудрости италийцев»; (2) опыт синтеза философии и филологии в «О едином начале и единой цели всеобщего права» (De uno) и «Новой науке» предвосхитил примирение идеального и реального, категорий и опыта в кантовском априорном синтезе и в гегелевской философии истории; (3) ограничение значимости естественных и точных наук, демонстрация их фикциональной природы, а также опровержение философского натурализма возвратились в форме критики Спинозистского детерменизма у Якоби¹ и борьбы Гегеля с абстрактным мышлением; (4) поэтическая логика и наука фантазии превратились в эстетику и воскресли в форме критики интуиции как смутного понятия у Канта и понимании искусства как одной из чистых форм духа у Гегеля и Шеллинга; (5) возвратилось (у Гердера и Гумбольдта) учение Вико о языке, понимаемом не как система искусственных знаков, а как свободное и поэтическое творение духа; (6) религия и миф перестали рассматриваться как аллегории и формы обмана, а начали пониматься — как было предложено Дэвидом Юмом, естественным процессом, восходящим к началам человеческой истории; (7) союз поэзии и истории у Иоганна Георга Гамана может быть понят лишь на фоне Вико; (8) полемика с утилитаризмом и контрактуализмом у Вико воскресает в политических и этических учениях Канта и Гегеля; (9) историческая школа права унаследовала от Вико пафос противостояния правовому платонизму и юснатурализму Гроция; (10) идея «хитрости разума» у Гегеля и гетерономии целей у Вильгельма Вундта созвучны викианской идее Провидения (Ježić, 2015: 251–254). «Пролептическое» значение Вико столь велико, что перерастает границы той частной области философии, к которой общее мнение критиков до сих пор склонно его причислять — философии истории: «...его многосторонняя энергия теоретика познания, этики, эстетики, права и религии оказываются словно бы погребены под эпитафией „философа истории“»².

Задаваясь вопросом о методе, который позволил бы показать всемирно-историческое значение великого неаполитанца, Кроче критически от-

¹ А ргос, см. недавнюю статью о редкой для романтической эпохи прямой рецензии Вико у Якоби: Ježić, 2015: 243–250.

² «La cui molteplice energia di gnoseologo, di teorico dell'etica, dell'estetica, del diritto, della religione rimane come seppellita sotto quell nome di "filosofo della storia"» (Croce, 1922: 328).

зывается об истории идей в духе Артура Лавджоя с его концепцией *units of knowledge* (Croce, 1922: 249):

Признаюсь откровенно, что не питаю симпатии к тем заключительным разделам критических исследований о философах прошлого, которые содержат в себе историю следствий созданных ими идей. Ведь если «идеи» понимать внешним образом, рассматривая то влияние, которое они оказали на социальную и культурную жизнь, то обзор их, хотя и не лишенный определенного интереса, останется чужд истории философии в собственном смысле этого слова — если же речь идет о подлинных и живых философских идеях, то рассказ об их исторической судьбе совпадает с самим ходом истории философии, который нет оснований сводить к изучению того или иного конкретного философа. Непонимание этого вызвано предрассудком, согласно которому идеи представляют собой нечто твердо определенное и ограниченное, подобно кристаллам или драгоценным камням, переходящим по наследству из поколения в поколение и сохраняющим в неприкосновенности первоначальную форму свою и первородный блеск, независимо от того, в какие новые оправы они оказываются помещены и чье чело ныне украшают. Однако идеи суть в действительности не что иное, как неутомимое человеческое мышление, и передавать их из поколения в поколение означает преобразовывать их³.

Этой кумулятивной конструкции истории науки Кроче противопоставляет отвечающую общим принципам его понимания истории прегентистскую установку:

Проще всего показать соответствие его идей, будь то истинных или ложных, самым насущным потребностям последующих времен, обратившись к сходным идеям и замыслам, явившимся в будущем в таком изобилии, что облик целого столетия в философии и истории человечества оказался ими определен (*ibid.*: 250)⁴.

³«Confessiamo anche di non nutrire simpatia per quei capitoli, che si usa mettere come conclusioni dei lavori critici intorno ai filosofi e che contengono la storia della fortuna delle loro idee. Giacché se le “idee” sono prese in modo estrinseco, nei loro effetti sociali e di cultura, quella rassegna, sebbene non priva di certa sua particolare importanza, rimane estranea alla storia della filosofia propriamente detta; — se invece sono intese come vere e vive idee filosofiche, il racconto della loro fortuna confluisce né più né meno che con la storia della filosofia posteriore, la quale non c'è ragione di far seguire alla trattazione di uno piuttosto che di altro filosofo singolo. Condursi diversamente è effetto del pregiudizio che le idee siano qualcosa di solido o di cristallizzato, quasi gemme preziose che si tramandino da una generazione all'altra e di cui sia sempre possibile riconoscere l'inalterata forma e fulgore nei nuovi diademi che esse compongono e sulle nuove fronti che vengono a costellare. Ma le idee, effettivamente, non sono altro che l'infaticabile pensiero umano, e tramandarle davvero vale trasformarle».

⁴«Ora, quale mezzo si offre più semplice per mostrare la rispondenza delle sue dottrine, vere o false che fossero, a profonde esigenze spirituali, che ricordare le idee e i tentativi simili,

Признавая выдающиеся заслуги Кроче в деле как филологического восстановления, так и философского переоткрытия Вико, мы все же вправе задаться вопросом: не оказывается ли великий неаполитанец заложником своей собственной славной судьбы в эпоху немецкого романтизма? Возможно ли вернуть Вико его собственному времени⁵?

Для того чтобы осознать, в какой мере Вико превращается у Кроче в прообраз его самого, а в какой — остается самим собой, следует, как кажется, прежде всего понять, какую идею *истории* он вычитывает из сочинений неаполитанца. В одном известном фрагменте Кроче пишет, что понятие истории становится у Вико подлинно объективным: цель исторического исследования отныне — «воссоздание средствами разума разумной действительности» (*rifacimento razionale di un fatto razionale*). По Кроче, история есть «логика событий», понимаемая как «логика конкретного». В игре взаимных опосредований между индивидуальным и всеобщим, необходимостью и свободой заключается диалектическое движение истории, делающее возможным разумное ее постижение и одновременно снимающее проблему зла⁶. Отметим два обстоятельства: во-первых, тео- и антроподицея, слияние универсального и индивидуального у Кроче вводит в игру *модальную* категорию необходимости; во-вторых, презентистское понимание историографии влечет за собой ее практическую обращенность, воплощенную в известных формулах эквивалентности: «история как действие» (Кроче, Мальцева, 1999а: 228–230), «история как история свободы» (там же: 233–235). И в деле примирения необходимости и свободы, и в снятии антитезы между умозрением и практикой («неожиданный макиавеллизм» (Кроче, Мальцева, 1999b: 130) Вико не только опередил свое время, но и превзошел гегелевскую философию истории с ее априоризмом.

Согласование необходимости и свободы на почве практически ориентированной истории облечено у Кроче в форму *диалектики*, сохраняющей в снятии независимость вступающих во взаимное отношение моментов. Однако любопытным образом как уравнение теории и практики, так

riapparsi più tardi così copiosi e intensi da dare la fisionomia al lavoro di un secolo intero di filosofia e di storia?»

⁵Ср. об этом рассуждение Ф. Тесситоре, высвечивающее как преимущества, так и ограничения историцистского понимания Вико: Tessitore, 1968: 217–227.

⁶«...concepire i fini particolari come veicolo degli universali e le illusioni come accompagnamenti e cooperanti con l'azione importa concepire dialetticamente il moto della storia e superare il problema del male [...] A tale patto solamente è dato intendere la storia, che altrimenti resterebbe inintelligibile» (Croce, 1922: 123).

и внимание к модальности «возвращаются» в исследовательской традиции и по генеалогии своей, и по философским принципам, если не оппозиционной диалектическому историзму Кроче, то по крайней мере к нему безразличной — покоящейся на принципах прагматизма англосаксонской историографии политической мысли раннего Нового времени. Вступая на эту территорию, нам придется оставить подкупающий своей простотой и внутренним единством идеалистический язык Кроче и столкнуться с настоящим барочным многообразием дискурсов гуманитарной теории, находящихся в сложном полемическом отношении друг к другу. Эти исследовательские программы — от кембриджской истории понятий до модальной риторики — ставили своей целью актуализировать потенциал, содержащийся в категориях ренессансной и барочной риторики, и именно они позволили лишиться неоромантизм Кроче того монопольного положения в интерпретации барочной философии — в особенности гражданской науки Вико — которым он пользовался до середины XX в.

Специальным предметом нашего внимания станет «модальная риторика» современной чикагской исследовательницы Вико Нэнси С. Стрювер и — в меньшей степени — история политического дискурса раннего Нового времени Кв. Скиннера и Дж. Г. А. Покока. Рассмотрение этого недialeктического взгляда на этико-логическую проблематику необходимости и праксиса у Вико и, шире, в политической мысли его времени могло бы позволить увидеть иллюзорность конвергенции ключевых категорий и проблемных полей равно важных, но не равно влиятельных направлений викианской историографии.

Ключевой пункт расхождения между Кроче и этими направлениями историографии можно видеть в различном понимании ими *истории*. Если для восприемника романтической культуры Кроче история — это гигантская лаборатория априорного синтеза, в которой диалектическое движение Духа сопрягает категории с явлениями, а всеобщее — с единичным, то такие авторы, как Скиннер и Стрювер рассматривают историю как резервуар актуальных и потенциальных сценариев социального действия, а наиболее подходящим инструментом их интерпретации считают риторический анализ. История здесь — своего рода форум гражданственности (*forum extrinsecum*), в котором всякое высказывание есть действие, а всякий аргумент — гражданское событие; задача же историографии — *риторическая герменевтика социальных действий*. Такое понимание истории повлекло за собой смещение центра

тяжести в работе с ренессансными и барочными политическими текстами к анализу языка, аргументативных структур и прагматических импликаций политического дискурса. Восходящее к 1950-м гг. сотрудничество истории политической мысли и прагматической философии в таких влиятельных направлениях гуманитарной теории, как «история понятий» Кв. Скиннера и «модальная риторика» (в более ранних версиях — «топология») Н. С. Стрювер, было опосредовано обращением к историческому материалу раннего Нового времени. Актуальность интеллектуального наследия раннего Нового времени обосновывалась изоморфностью ренессансного «поворота к риторике» — «прагматическому повороту», свершившемуся в целом ряде направлений европейской философии XX в. (концепция «языковых игр» у позднего Витгенштейна, теория «речевых актов» Дж. Остина, этика А. Макинтайра). Отказ от редукции риторики к поэтике (стилистике или «тропологии») и понимание ее как «герменевтики гражданских событий» в гуманистической диалектике (А. Ницо, П. Рамус, Дж. Вико) были созвучны не только реактуализации греко-латинской риторической традиции в неориторике Х. Перельмана (Warnick, 2000), но и концепции «навыков действия» и «закрепления убеждений» Ч. Пирса (Struever, 2009: 103–106) и критическому ограничению «апофантического логоса» у Дж. Остина (Beduhn, 2000). Наряду с реабилитацией риторики и «прагматическим поворотом» в философии важной предпосылкой превращения *Early Modernity* в мощный ресурс гуманитарной теории стал новый подход к истории политической мысли, сместивший акцент с генеалогии актуальных понятий и проблем политической теории («история формальной политической теории») к истории политического дискурса, понимаемого как результат интерференции множества языков интеллектуальной культуры, как действие («речевой акт»), совершаемое в соответствии с правилами определенной «языковой игры» («что *делает* автор, когда пишет текст»). По выражению Дж. Покока, речь шла о создании «истории политической теории подлинно исторического характера», естественными противниками которой оказывались классическая история идей в духе *units of knowledge* А. Лавджоя⁷, формалистическая теория истории в духе «тропологии» Х. Уайта и аналитическая философия истории, сводящая историческое исследование к анализу предложений (А. Данто) (Данто, Макеева, 2002).

⁷В связи с этим характерно, что Лавджой был известным критиком прагматизма: Lovejoy, 1908.

И снова на поверхностном уровне терминологии мы можем заметить некоторое сходство: у неаполитанского философа появляется категория, центральная для англосаксонской историографии — категория *прагматизма*. В третьей части «Философии как науки о духе», посвященной практике, Кроче определяет свою философию как «новый прагматизм» и объявляет Жизнь предпосылкой всякого теоретизирования, коль скоро «познание есть идеальное пересоздание реального» (Stose, 1909: 190). Но прагматизм Кроче, как мы увидим далее, имеет мало общего с прагматизмом Стрьювер и Скиннера, ибо означает примирение теоретического и практического в жизни Духа, прояснение аналогических («циркулярных») отношений подобия между ними, а вовсе не анализ модальности суждения о социально-историческом мире. Квинтэссенцией этого прагматизма, «о котором прагматисты никогда и не помышляли» (ibid.: 196), оказывается тезис об историчности всякого познания: «...проблема исторична, а решение ее вечно». В одном очерке 1938 г. Кроче определяет «вечные категории» в историческом суждении как «потенции к действию» (*potenze del fare*), но эта «модализация» исторического суждения не получила у него дальнейшего развития и тем более не была осмыслена применительно к историографии и политической мысли раннего Нового времени; в книге о Вико мы не находим никаких ее следов. По Кроче, предмет истории у Вико есть, как и у него самого, индивидуальное, конкретное (*intelligenza dell'individuale*), а не возможное. Напротив, ключевые понятия Кембриджской школы — «момент», «контекст», «речевой акт», «языки политической мысли», «история деятельности», «ход» (*move*) — и центральные понятия риторики Стрьювер — «навык действия в исследовании», «топос», «дискурсивное событие» — могут быть рассмотрены как символы «прагматического поворота» в историографии, в результате которого на передний план выходят понятия дискурса и аргумента, а «решение проблем» оказывается релятивировано относительно *endoxa* — исторически изменчивой системы общих мест, конституирующих, по мнению Стрьювер, «область общечеловеческого» (*common humanity*). Методологический арсенал Стрьювер чрезвычайно богат: в списке авторов, вовлекаемых ею в проект «новой риторики», мы можем найти и Аристотеля как автора «Топики» и «Риторики», и М. Хайдеггера как комментатора Аристотеля, и Ч. С. Пирса как создателя ключевых для чикагской исследовательницы понятий «навыки действия в исследовании» (*habits of action in inquiry*) и «закрепление убеждений» (*fixation of beliefs*), и даже П. Фейерабенда (стирание границ между «теорией» и «фактом»). В числе предшественников своего

«прагматического» подхода к ренессансному материалу Стрювер называет Сальваторе Кампореале и Кристофера Челенцу (Camporeale, 1990). По Стрювер, цель истории — убеждение, т. е. установление «природы события в мире гражданственности» («establishment of the nature of a civil event» (Struever, 1980: 68)), и именно по этой причине наиболее отвечающим ее сути аналитическим языком является риторика, которая

не есть ни философия, ни антифилософия; она есть гражданская наука, которая, подобно праву, сочетает исследовательскую находчивость с выразительной силой (ibid.).

Центральной категорией так понимаемой риторики оказываются, в отличие от формалистической теории историографии у Х. Уайта, не тропы, а топосы или места аргументов, «управляющие силой убеждения» и имплицитные не только формальную структуру аргумента, но и коммуникативный контекст — мотивации и убеждения говорящих. Топологическая оптика чикагской исследовательницы позволяет представить «дискурсивную ситуацию как событие гражданского мира» — здесь пролегает граница между концепцией «общего места» у Стрювер и исследованием риторических общих мест европейской литературной традиции (Toposforschung) у Э. Р. Курциуса (Curtius, 1973). Общие места, о которых пишет Курциус, суть литературные продукты применения *topoi*, агональных приемов («wrestling holds») Стрювер: если «историческая топка» Курциуса является одним из методов науки о литературе (неслучайно топос определяется им как «внеличностный стилевой элемент»), то «топология» Стрювер представляет собой риторическую науку об историческом («гражданском», т. е. историко-политическом) мире.

В начале 1990-х гг., к моменту выхода в свет работы «История как теория и практика» в инструментарии Стрювер на передний план выходит новое понятие — *модальность*. Оно связано не столько с риторическим прочтением Аристотеля, сколько с актуальными теоретическими разысканиями финских историков логики во главе с Яакко Хинтиккой⁸. Обращение к истории «принципа полноты» у ключевых фигур эпохи барокко (у Лейбница) позволило этим авторам связать переход к Новому времени с той областью, которая обыкновенно рассматривалась как

⁸О последствиях дискуссий о «принципе полноты» для истории идей см.: Hintikka, 1975–1976. Критику интерпретации Лавджоя и истории идей в целом у Хинтикки см. в: Gram, Martin, 1980.

специальный раздел логики, — модальными теориями. Событие внутренней истории логики — «морализация модальностей», расщепление модальных категорий (возможности, необходимости, действительности) в посттридентской схоластике и идея статистической, квантифицируемой моральной возможности — проецируется у Стрювер на историю этической и политической мысли раннего Нового времени, в которой она обнаруживает аналогичный процесс «расширения царства возможностей» (*the widening of the realm of possibilities*) (Struever, 2009: 11). Новое звучание обретает у чикагской исследовательницы изобретенная Дунсом Скотом и активно разрабатывавшаяся посттридентскими схоластами и Лейбницем идея «возможных миров». Отметим, кстати, что в этом свете новое значение приобретает знаменитое место у Вико, в котором он пишет, что ход идеальной истории наций остался бы неизменным, «даже если бы время от времени возникали бы новые бесконечные миры» (*fosse anco che nell'eternità nascessero di tempo in tempo mondi infiniti*). Если для Кроче это рассуждение представляет собой плод ошибочной интерференции эмпирического и спекулятивного аргумента (Croce, 1922: 40–41), то для Стрювер как раз оперирование перспективой альтернативных миров («adjacent worlds») составляет одну из ключевых новаций политического языка раннего Нового времени. Использование метафоры возможных миров заставляет вспомнить о знаменитом мысленном эксперименте — воображаемой «языковой катастрофе» — у Аласдера Макинтайра, к которому автор «После добродетели» прибегает для того, чтобы объяснить состояние «беспорядка», в котором находится язык современной моральной теории и практики. Описание этого беспорядка удивительно походит на то состояние «дискурсивной анархии» (В. Кан), в котором оказались этика и политика раннего Нового времени после Макиавелли и Валлы (MacIntyre, 1985: 2):

...в области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствии контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь призрачное подобие (*simulacra*) морали, и мы продолжаем использовать многие из ее ключевых выражений. Но мы утратили, — если не полностью, то по большей части, — как теоретическое, так и практическое понимание морали (*пер. Т. А. Дмитриева*).

Если катастрофа моральных понятий, о которой пишет Макинтайр, была, согласно интерпретации, следствием провала попыток рационального обоснования морали в эпоху Просвещения, то «анархия» в этике и политике раннего Нового времени была вызвана невозможностью

основать этику на принципе подражания классическим образцам и распадом аристотелевского политического «койнэ». Происходит событие, которое можно определить как «эмансипацию означающих» ключевых категорий старой аристотелевско-цицеронианской этики, таких как «добродетель» (*virtus*), «праведный разум» (*recta ratio*), «добродетель» или «нравственная красота» (*honestum* или *decorum*), «политическое животное» (*animal politicum*), «естественное состояние» (*status naturalis*). Они продолжают использоваться (*virtù* у Макиавелли, *recta ratio*, *right reason* у Т. Гоббса), но в отрыве от породивших их контекстов и моделей политической науки. Тем самым распад языка классической политики и отказ от нецесситаристской парадигмы — явление, которое Стрювер и обозначает термином «морализация модальностей» — в одинаковой степени стимулируют расширение сферы экспериментирования с базовыми этическими категориями, их, выражаясь формалистическим языком, «деавтоматизацию». Не случайно эти понятия становятся предметом литературной игры: сначала во Флоренции Кватроченто — в жанровой форме гуманистического диалога (в творчестве Леонардо Бруни, Франческо ди Поджо Браччолини и особенно Лоренцо Валлы), а уже в первой половине следующего столетия их осваивает и драма: хрестоматийным примером может здесь служить «Мандрагора» Макиавелли. Сначала (в диалоге) различные — иногда противоположные — этические позиции становятся предметом свободной игры, а потом (в драме) они автономизируются и объективируются, воплощаясь в *dramatis personae* и выходя из-под власти автора. Это переворачивание, инверсия общих мест гуманистической этики, торжество антиморали — иногда пародийное, как в «Мандрагоре», иногда серьезное, как в «Государе» — коснулись общих мест *внутри* этико-риторической парадигмы, а не только языка политики: в той же «Новой науке» такие топосы, как «возвышенная (*sublime*) поэзия Гомера» или «героическая доблесть (*virtù*) римлян» обретают совершенно неклассическое содержание⁹.

⁹ Гомер объявляется неподражаемо возвышенным поэтом, поскольку он, во-первых, оказывается лишь метафорой, собирательным понятием, обозначающим весь греческий народ в целом, а во-вторых, поскольку его язык представляет собой воплощение недостижимой и непостижимой для рационально мыслящего, просвещенного человека чувственной варварской природы. Героическая доблесть римлян, из которого ливийская традиция политической историографии сделала основание своей рациональной этики, также характеризуется Вико как рудимент варварского «дореклексивного» этоса («дикий обычай жить и умирать свободными», «необузданная свобода»). См.: Nuzzo, 2007: 253.

На пересечении этих двух событий, первое из которых мы бы обозначили, перефразируя Скиннера и Покока, как «момент» в «истории политического дискурса», а второй вслед за Стрювер как «модализацию модальностей», возникает фигура Вико. Интерес чикагской исследовательницы к наследию неаполитанского философа оказался столь же устойчивым и продуктивным, как некогда у Эриха Ауэрбаха: начиная от самого раннего своего проекта — «структурной истории риторического гуманизма» — до наиболее зрелой концепции «модальной риторики» фигура Вико неизменно занимала в концептуальных построениях Стрювер видное место. В творческом наследии Вико Стрювер открывает целый ряд интуиций, родственных ее собственной оптике: так, предпочтение римской юриспруденции греческой философии, заявившее о себе в трактате «О едином начале и единой цели всеобщего права», указывает на чувствительность неаполитанца к юридическим формулам гражданского права как «возможным сценариям» (*possible plots*) гражданского действия; его герменевтика политических действий и исторических событий основана на «модальности как фундаментальном свойстве социального опыта»; даже заявившая о себе в ранних сочинениях приверженность методу анахронистических этимологий (*verum / factum, conatus / momentum, ingenium / natura*), противостоящая их классико-филологической, антикварной «консервации» и высвечивающая их гражданский потенциал (*potency of words for civil intervention*) (Struever, 2009: 60), помещается в контекст поворота раннего Нового времени к «слабым» модальностям в сфере политики и этики. Специальный интерес в эпистемическом стиле Вико вызывает у Стрювер характерная для него тенденция к деперсонализации исторического нарратива: фигуры, населяющие страницы «Новой науки», суть в действительности «поэтические универсалии» и метафоры социальных институтов, созданные воображением архаического человечества (Ахиллес — поэтический характер героического мужества, а Улисс — героической мудрости).

Несмотря на то что центральные категории исследовательского языка Стрювер — навык действия, критика нецесситаризма, топос, модальная риторика — могут показаться не более чем метафорами, все же заданный ей ракурс представляется чрезвычайно продуктивным для открытия неявных сторон ренессансной и барочной эпистемы. Так, конгруэнтный викианскому панриторизму неориторический подход Стрювер позволяет найти новый подступ к специфическим аргументам в составе «Новой науки», которые в прежних посвященных наследию неаполитанца исследованиях не получали удовлетворительного объяснения. К числу

таковых можно отнести, на наш взгляд, и находимые Кроче дефекты в замысле «Новой науки». По мнению Кроче, структура «Новой науки» должна рассматриваться на трех взаимосвязанных уровнях: философском (философские аксиомы, различение фантастических и логических универсалий, *certum / verum*), историческом (исторический очерк развития архаических народов после Потопа, социальная борьба патрициев и плебеев) и социологическом (законы единообразного развития наций, социальные институты феодализма, отцовской власти и семьи в древнем Риме) (Сросе, 1922: 37–38), однако недостаток систематического духа в мышлении Вико помешал ему согласовать между собой элементы этой триадической схемы, следствием чего стала «темнота» (*oscurità*) — не композиции и не стиля, а мышления неаполитанца. Но сама эта трехчастная схема гипотетической философии духа окажется чуждой викианскому методу, если мы вслед за Стрювер согласимся видеть в нарративной ткани «Новой науки» отражение ренессансного и барочного представления о предмете историографии. По Стрювер, гуманисты и писатели барочного века, среди коих и Вико, рассматривали социальную реальность

не как историческую константу, но как одну из многих в целой палитре разных возможностей выбора, из которых они вполне сознательно ткали сеть решений и мотивов действий — так их историческое сознание и историографические свершения обретали форму, плотность и силу (Ward, 2001: 347).

Принципиально важно, что эксперименты с модальностями, которые Стрювер находит у Вико, не были характерны только для него одного: у целого ряда логиков и политических писателей барочного века эти тенденции облекались в форму особых проектов «моральной силлогистики» или «моральной логики» (контекст, в викианских штудиях Кроче напрочь отсутствующий). Самым известным представителем этого направления можно считать старшего современника Вико, цистерцианского интеллектуала, епископа Виджевано Хуана Карамуэля-и-Лобковица (1606–1682). В случае Карамуэля необходимость построения особой моральной логики мотивировано его неприятием «натуралистической иллюзии» (*naturalistic fallacy*), т. е. возможности выведения обязательства из факта.

Пожалуй, впервые термин *naturalistic fallacy* для анализа «моральной диалектики» Хауана Карамуэля Лобковица использовал Якоб Шмуц (Schmutz, 2008). В своей статье Шмуц показал, как великий лувенский полигистор саламанкской выучки разрабатывает собственную,

параллельную аристотелевской моральную логику со своими фигурами и модусами силлогизмов, а также онтологию моральных сущих (*entia moralia*), обладающую собственным набором предикаментов (так, например, аристотелевскую категорию обладания (*echein*) следует расщепить на три: естественного, искусственного и морального обладания). Заметим, кстати, что такие разные, никак между собой не связанные исследователи, как историк схоластики Свен Кнебель и Нэнси Стрювер, определили «расщепление модальности» и тематизацию моральной возможности/необходимости как едва ли не центральное, но оттого и ускользающее от взгляда историка идей событие интеллектуальной жизни XVII столетия: Кнебель характеризует трихотомию модальных категорий (*metaphysice, physice, moraliter*) — вспомним, кстати, что именно из этих трех книг должна была состоять «О наидревнейшей мудрости италийцев» Вико — в терминах Фуко как «историческое априори схоластического дискурса» (Knebel, 2003), в то время как Стрювер определяет контингентность уже словами Коллингвуда как «абсолютную предпосылку» (*absolute presupposition*). В этой точке сошлась скоттистская теология радикальной контингентности, его же «семантика возможных миров» и крушение аристотелевско-цицеронианского нецесситаризма (по Стрювер, тремя главными фигурами-вехами на этом пути были Петрарка, Лоренцо Валла и Макиавелли). Центральное положение, из которого исходит Карамуэль (определенное в черновом издании «Моральной теологии» 1645 г. как *hypothesis fundamentalis*): «надлежит философствовать о моральных предметах морально, о реальных же — реально» (*oportet de moralibus moraliter philosophari, sicut de realibus realiter [de physicis physice]*). В противоположность многим барочным теоретикам политических наук, находившим подлинный метод политики в «Риторике» и «Топике» Аристотеля — метод, для которого базовыми категориями были эпихейрема (силлогизм, обе посылки которого представляют собой энтимемы), топос и энтимема (силлогизм с пропущенной посылкой) — Хуан Карамуэль в своей моральной и политической логике ориентировался на модель аристотелевских аналитик. Вот, к примеру, мнемонические названия новых силлогистических модусов по Карамуэлю (Carameuel, 1680: 272):

FALLITIS *ponti* PLACIDI MAGISTRI:
Concha MUGIVIT PARIDIS PUDICI,
Ranca dum classem RAPIDI CAMILLINOBILIS *armas*

А вот пример «морального силлогизма» (модус FALLITIS, аналог модуса Darii 1-й фигуры категорического силлогизма у Аристотеля) (Caramuel, 1680: 272):

В моральном и каноническом смысле ни одну женщину не следует допускать к занятию общественных должностей.

Феодосия — женщина.

Следовательно, в моральном и каноническом смысле не подлежит сомнению (certum), что Феодосию не следует допускать к занятию общественных должностей.

Предпосылки этого силлогизма (женское легкомыслие, неумение женщин хранить тайну) универсальны не в метафизическом, а в моральном смысле; недаром Лобковиц следует правилам риторического нахождения, ссылаясь на позитивное (каноническое) право и испанскую поговорку (общее место): *El consejo de la mujer es poco, y quien le toma loco* («Женский совет легковесен, и глуп тот, кто его принимает»).

Несмотря на кажущуюся чуждость Вико дискуссиям о пробабиллизме, свободной воле, возможных мирах и «тройственной необходимости», есть целый ряд мест, которые побуждают признать релевантной для него эту проблематику. Так, в одном известном фрагменте Вико определяет задачу своей науки как «научную критику человеческого произвола», в другом же — называет «случай и выбор» «владыками дел человеческих» (*occasio et electio dominae rerum humanarum*). Хрестоматийно известна апология *правдоподобного* (*verosimile*) в лекции «О методе преподавания и изучения наук в наше время» (1709 г.), хотя она и помещена здесь не в контекст пробабиллистских споров, а в контекст противостояния критики и топики. Менее известны высказывания Вико о «вероятном» (*probabile*), однако по крайней мере одно значимое место можно найти в переписке (Vico, 1993: 128):

Из ненависти к Вероятному во Франции Христианская Мораль закоснела в неколебимой суровости, а по соседству, на Севере Европы и в значительной части Германии всякий счел за правило считать собственный дух божественным мерилем тех вещей, в которые надлежит верить. Картезий увидел в этом прекрасную возможность для упражнения своих удивительных талантов и в результате длительных и глубоких изысканий разработал Метафизику, состоящую в услужении у Необходимости, и сделал мерилем истины идею, приходящую к нам от Бога, которую он, впрочем, нигде точнее не определил.

Поэтому у самих Картезианцев нередко случается так, что одна и та же идея одному представляется ясной и отчетливой, а другому — темной и смутной¹⁰.

Можно ли найти какой-то аналог «моральной онтологии» Карамуэля у Вико? На наш взгляд, да. Прежде всего, сам неаполитанский философ в своем толковании изображения, помещенного на фронтисписе «Новой науки», указывает: «Метафизика познает провидящего Бога в общественных моральных вещах, т. е. в гражданских обычаях». Тем самым предмет «новой науки» — «гражданские моральные предметы» (*cose morali civili*), что можно было бы вполне передать на схоластической латыни как *entia moralia*. Но сходство на этом не заканчивается. Подобно моральным сущим у Карамуэля, занимающими промежуточное положение между *entia realia* и *entia rationis*, социальные институты являются у Вико особого рода *фикциями*. По Вико, после Потопа лишившиеся разума, социальности и языка потомки Ноя разбрелись по «великому лесу земли» и были возвращены к цивилизации экстраординарным действием «естественного Провидения» — явлением молнии, которую первобытное сознание интерпретировало как эпифанию «устрашающего божества». Так, первое моральное сущее, порождаемое воображением гигантов в момент первой слепотопной грозы, — фиктивная идея божества. Особенно важна здесь категория правовых фикций у Вико и Карамуэля — прежде всего потому, что она вновь вводит в игру незамечаемую «абсолютную предпосылку» модальности. Категория правовой фикции важна для Вико, поскольку ее появление стало признаком смягчения древних суровых нравов и перехода к «человеческим» временам. На фикции, имитации насилия построены все правовые институты римского права — манципация, укуапия, обязательство, виндикация и т. д. — представляющие собой, согласно Вико, транспонирование архаического насилия в сферу фикционального, основанное на принципе подражания

¹⁰ «In odio della Probabile s'irrigidisce in Francia la Cristiana Morale, e dal vicino Settentrione, e gran parte della Germania, lo spirito interno di ciascheduno si fa divina regola della cose che si deon credere. Vede il Cartesio il tempo di far uso de'suoi meravigliosi talenti, e de' lunghi e profondi suoi studi, e lavora una Metafisica in ossequio della Necessità, e stabilisce per regola del vero l'idea venutaci da Dio, senza mai definirla: onde tra essi Cartesiani medesimi sovente avviene che una stessa idea per uno sarà chiara e distinta, oscura e confusa per l'altro». Кроме того, двое из учителей Вико, о которых он упоминает в своей автобиографии, Франческо Верде и Джузеппе Риччи, были активными участниками пробабилистских дискуссий, а Верде даже написал специальный трактат о фундаментальной теологии Хуана Карамуэля. Подробнее об этом см.: Pigo, 2014.

(*Imitationes violentiae: mancipatio, usucapio, usurpatio, obligatio, vindictio, manus consortio, conditio* (*De uno* I СХХIV); именно использование «фиктивного насилия» позволило перейти от железного формульного цивильного права к гуманной «справедливости» (*aequitas*). Отступление от божественной необходимости — фатума — в пользу «возможных сценариев» (*possible plots*) юридических фикций открывает, по Вико, путь от сурового героического права к праву человеческому. По точному замечанию Стефании Сини, использование *fictio juris* задает «горизонт возможностей» (*horizon of possibilities*) человеческих действий; в этом смысле не будет преувеличением сказать, что человеческая история как «история свободы» рождается, по Вико, из фикции (Сини, 2014). Характерным образом историки римского права в совершенном согласии с исследователями Вико используют для характеристики механизма действия юридических фикций ту же категорию — *ac si* (*als ob*; как если бы), что и Хуан Карамуэль (Galgano, 2010: 22–35). Более того — ключевая категория викианской «науки», здравый смысл наций, может быть переведена на язык фикциональной юриспруденции Карамуэля как гипотеза, введенная «или всем родом человеческим, или народом, или нацией, или иной общностью», — главное же отличие в том, что у Вико эта гипотеза вводится «без всякой рефлексии», а об общем благе заботится не законодатель, а Божественное Провидение.

Таким образом, мы видим, что возвращение «формул эквивалентности» Кроче («история как действие», «необходимость как свобода») у Стрювер никоим образом не было «возвращением того же самого». Вместо того, чтобы рассматривать Вико проспективно, в свете идеалистической философии, оперирующей диалектическим методом, модальная риторика или (потенциально) история идей в духе Кембриджской школы возвращает неаполитанского философа его собственному времени. Исследовательские интуиции, такие как прагматический поворот, новая риторика, возникновение логики речевых актов и обновление логики модальной, развивались скорее, опираясь на философию и гуманитарную теорию XX столетия, чем на принципы исторического исследования, поэтому они могли показаться (и казались) многим цеховым историкам раннего Нового времени анахронизмом, в конечном итоге [исследовательские интуиции] обретали совершенно неожиданное подтверждение в самом анализируемом материале (е. г., «модальной риторике» Стрювер внезапно находилось соответствие в «моральной логике» Хуана Карамуэля). Именно это встречное движение теории и истории, чреватое неожиданными открытиями в духе *serendipity*,

позволяет видеть в историографии раннего Нового времени продуктивный ресурс обновления гуманитарной теории и философии. Однако продуктивность эта связана не с обретением философией духа респектабельной генеалогии, а с актуализацией упущенных возможностей в самом устройстве научного и философского исследования в Новое время (*missed opportunity in modern inquiry*, по Стрювер).

ЛИТЕРАТУРА

- Данто А. С.* Аналитическая философия истории / пер. с англ. Л. Б. Макеевой. — М. : Идея-Пресс, 2002.
- Кекерманн В.* Комментарий о природе и свойствах истории / пер. с лат. В. Л. Иванова // Кроме Декарта : размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени / под ред. Ю. В. Ивановой, П. В. Соколова. — М. : Квадрига, 2014. — С. 218–259.
- Кроче Б.* История как действие // Антология сочинений по философии / пер. с итал. С. Мальцевой. — СПб. : Пневма, 1999а. — С. 228–230.
- Кроче Б.* Макиавелли и Вико // Антология сочинений по философии / пер. с итал. С. Мальцевой. — СПб. : Пневма, 1999б. — С. 126–131.
- Кроче Б.* Неизвестная страница последних месяцев жизни Гегеля // Антология сочинений по философии / пер. с итал. С. Мальцевой. — СПб. : Пневма, 1999с. — С. 84–100.
- Beduhn J. D.* The Historical Assessment of Speech Acts : Clarifications of Austin and Skinner for the Study of Religions // Method and Theory in the Study of Religion. — 2000. — Vol. 14, no. 1. — P. 84–113.
- Camporeale S. I.* Lorenzo Valla : The Transcending of Philosophy Through Rhetoric // Romance Notes. — 1990. — Vol. 50, no. 3. — P. 269–284.
- Caramuel J.* Moralis seu politicae logicae liber secundus. — Viglevani : Typis Episcopilibus, 1680.
- Couzinet M. D.* Histoire et méthode à la Renaissance : Une lecture de la Methodus de Jean Bodin. — Paris : Vrin, 1996.
- Croce B.* Filosofia della pratica. Vol. 3. — Bari : Laterza, 1909.
- Croce B.* La filosofia di Giambattista Vico. — Bari : Laterza, 1922.
- Curtius E. R.* Begriff einer historischen Topik // Toposforschung / hrsg. von M. L. Baumer. — Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. — S. 1–18.
- Galgano F.* Le insidie del linguaggio giuridico. — Bologna : Il Mulino, 2010.
- Gram M. S., Martin R. M.* The Perils of Plenitude : Hintikka Contra Lovejoy // Journal of the History of Ideas. — 1980. — Vol. 41, no. 3. — P. 497–511.
- Hintikka J.* Gaps in the Great Chain of Being : An Exercise in the Methodology of the History of Ideas // Proceedings of the American Philosophical Association. — 1975–1976. — 1976. — Vol. 49. — P. 22–38.

- Ježić L. F.* Viewing Vico within German Idealism : On Jacobi's Comparison of Vico with Kant and with Schelling's System of Identity // *Synthesis philosophica*. — 2015. — Vol. 60, no. 2. — P. 243–250.
- Knebel S.* The Renaissance of Statistical Modalities in Early Modern Scholasticism // *The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700* / ed. by R. L. Friedman, L. O. Nielsen. — Dordrecht : Kluwer, 2003. — P. 231–251.
- Lovejoy A. O.* The Thirteen Pragmatisms // *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods*. — 1908. — Vol. 5. — P. 29–39.
- MacIntyre A.* *After Virtue : A Study in Moral Theory*. — London : Duckwoth, 1985.
- Nuzzo E.* *Tra religione e prudenza : La «filosofia pratica» di Giambattista Vico*. — Rome : Edizioni di storia e letteratura, 2007.
- Piro F.* Illusioni e delusioni del libero arbitrio nell'età da Molina a Vico // *Le «borie» vichiane come paradigma euristico : Hybris dei popoli e dei saperi fra moderno e contemporaneo* / a cura di R. Diana. — Napoli : ISPF, 2014. — P. 157–190.
- Schmutz J.* Caramuel on Naturalistic Fallacy // *Juan Caramuel Lobkowitz : The Last Scholastic Polymath* / ed. by P. Dvořák, J. Schmutz. — Pířbram : Filosofia, 2008. — P. 45–70.
- Sini S. I.* The Fictive Persons of a Serious Poem : On Vico's Anthropology of "Literature" // *Investigations on Giambattista Vico in the Third Millennium : New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia* / ed. by J. V. Ivanova, F. Lomonaco. — Rome : Aracne editrice, 2014. — P. 199–215.
- Struever N. S.* *Topics in History // History and Theory*. — 1980. — Vol. 19, no. 4. — P. 66–79.
- Struever N. S.* *Rhetoric, Modality, Modernity*. — Chicago : Chicago UP, 2009.
- Tessitore F.* *Vico tra due storicismi // Il pensiero*. — 1968. — N. 3. — P. 217–227.
- Vico G.* *Epistole* / a cura di M. Sanna. — Napoli : Morano, 1993.
- Ward J. O.* *Rhetoric : Disciplina or Epistemology? Nancy Struever and Writing the History of Medieval and Renaissance Rhetoric // Perspectives on Early Modern and Modern Intellectual History : Essays in Honor of Nancy S. Struever* / ed. by J. Marino, M. Schilt. — Rochester : University of Rochester Press, 2001. — P. 347–374.
- Warnick B.* *Two Systems of Invention : The Topics in the Rhetoric and the New Rhetoric // Rereading Aristotle's Rhetoric* / ed. by A. G. Gross, A. E. Walzer. — Carbondale : Southern Illinois UP, 2000. — P. 107–129.

Ivanova, Yu. V., and P. V. Sokolov. 2020. "Istoricheskiy metod ot rozhdeniya k vozrozhdeniyu (ot grazhdanskoy nauki k modal'noy ritorike) [The Historical Method: From Genesis to Revival (From the Civil Science to the Modal Rhetoric)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 4 (3), 15–35.

YULIYA IVANOVA

LEADING RESEARCH FELLOW

POLETAYEV INSTITUTE FOR THEORETICAL AND HISTORICAL STUDIES
IN THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-6847-2595

PAVEL SOKOLOV

LEADING RESEARCH FELLOW

POLETAYEV INSTITUTE FOR THEORETICAL AND HISTORICAL STUDIES
IN THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5817-2671

THE HISTORICAL METHOD: FROM GENESIS TO REVIVAL (FROM THE CIVIL SCIENCE TO THE MODAL RHETORIC)

Submitted: July 29, 2020. Reviewed: Aug. 20, 2020. Accepted: Sept. 19, 2020.

Abstract: This study deals with two strategies of approaching the early modern epistemology of *Gesteswissenschaften*, the first of which sees in them the anticipation of historicism in the 19th – early 20th centuries, and the second — a precedent for turn to rhetoric and contingency, similar to the rhetorical turn in some areas of the theory of humanities in the mid-20th century. The starting point of the study is Benedetto Croce's view of the philosophy of the Neapolitan philosopher Giambattista Vico (1668–1744) as a prelude to romanticism ("the nineteenth century in nuce"; "il romanticismo fu vichiano"): Croce's conception is considered as a representative sample of the presentist appropriation of the Baroque civil science. This concept is contrasted with the theoretical historiography of the early modern times, which seeks in the "sciences of contingency" a resource of the renewal of the topical theory of humanities: a special emphasis is placed on Nancy S. Struever's modal rhetoric. It is demonstrated that this latter strategy contributed to free the philosophy of the Neapolitan thinker from anachronistic readings in the vein of romanticism and to replace it in its own time.

Keywords: Croce, Vico, Absolute Historicism, Modal Rhetoric, Contingency, Topic, Pragmatism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-3-15-35.

REFERENCES

- Beduhn, J. D. 2000. "The Historical Assessment of Speech Acts: Clarifications of Austin and Skinner for the Study of Religions." *Method and Theory in the Study of Religion* 14 (1): 84–113.
- Camporeale, S. I. 1990. "Lorenzo Valla: The Transcending of Philosophy Through Rhetoric." *Romance Notes* 50 (3): 269–284.
- Caramuel, J. 1680. *Moralis seu politicae logicae liber secundus* [in Latin]. Viglevani: Typis Episcopilibus.
- Couzinet, M. D. 1996. *Histoire et méthode à la Renaissance: Une lecture de la Methodus de Jean Bodin* [in French]. Paris: Vrin.
- Croce, B. 1909. *Filosofia della pratica* [in Italian]. Vol. 3. Bari: Laterza.
- . 1922. *La filosofia di Giambattista Vico* [in Italian]. Bari: Laterza.
- . 1999a. "Istoriya kak deystviye [L'histoire comme pensée et comme action]" [in Russian]. In Croce 1999, 228–230.

- . 1999b. "Machiavelli i Viko [Machiavelli e Vico]" [in Russian]. In Croce 1999, 126–131.
- . 1999c. "Neizvestnaya stranitsa poslednixh mesyatsev zhizni Gegelya [Una pagina sconosciuta degli ultimi mesi della vita di Hegel]" [in Russian]. In Croce 1999, 84–100.
- Curtius, E. R. 1973. "Begriff einer historischen Topik" [in German]. In *Toposforschung*, ed. by M. L. Baeumer, 1–18. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Danto, A. C. 2002. *Analiticheskaya filosofiya istorii [Analytical Philosophy of History]* [in Russian]. Trans. from the English by L. B. Makeyeva. Moskva [Moscow]: Ideya-Press.
- Galgano, F. 2010. *Le insidie del linguaggio giuridico* [in Italian]. Bologna: Il Mulino.
- Gram, M. S., and R. M. Martin. 1980. "The Perils of Plenitude: Hintikka Contra Lovejoy." *Journal of the History of Ideas* 41 (3): 497–511.
- Hintikka, J. 1975–1976. "Gaps in the Great Chain of Being: An Exercise in the Methodology of the History of Ideas." *Proceedings of the American Philosophical Association* 49:22–38.
- Ježić, L. F. 2015. "Viewing Vico within German Idealism: On Jacobi's Comparison of Vico with Kant and with Schelling's System of Identity." *Synthesis philosophica* 60 (2): 243–250.
- Keckermann, B. 2014. "Kommentarij o prirode i svoystvakh istorii [De natura et proprietatibus historiae commentarius]" [in Russian]. In *Krome Dekarta [Beyond Descartes] : razmyshleniya o metode v intellektual'noy kul'ture Yevropy rannego Novogo vremeni [Reflections on Method in the Intellectual Culture of Early Modern Europe]*, ed. by Yu. V. Ivanova and P. V. Sokolov, trans. from the Latin by V. L. Ivanov, 218–259. Moskva [Moscow]: Kvadriga.
- Knebel, S. 2003. "The Renaissance of Statistical Modalities in Early Modern Scholasticism." In *The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700*, ed. by R. L. Friedman and L. O. Nielsen, 231–251. Dordrecht: Kluwer.
- Lovejoy, A. O. 1908. "The Thirteen Pragmatisms." *The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods* 5:29–39.
- MacIntyre, A. 1985. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. London: Duckwoth.
- Nuzzo, E. 2007. *Tra religione e prudenza: La "filosofia pratica" di Giambattista Vico* [in Italian]. Rome: Edizioni di storia e letteratura.
- Piro, F. 2014. "Illusioni e delusioni del libero arbitrio nell'età da Molina a Vico" [in Italian]. In *Le "borie" vichiane come paradigma euristico : Hybris dei popoli e dei saperi fra moderno e contemporaneo*, ed. by R. Diana, 157–190. Napoli: ISPF.
- Schmutz, J. 2008. "Caramuel on Naturalistic Fallacy." In *Juan Caramuel Lobkowitz : The Last Scholastic Polymath*, ed. by P. Dvořák and J. Schmutz, 45–70. Příbram: Filosofia.
- Sini, S. I. 2014. "The Fictive Persons of a Serious Poem: On Vico's Anthropology of 'Literature'." In *Investigations on Giambattista Vico in the Third Millennium : New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia*, ed. by J. V. Ivanova and F. Lomonaco, 199–215. Rome: Aracne editrice.
- Struever, N. S. 1980. "Topics in History." *History and Theory* 19 (4): 66–79.
- . 2009. *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago: Chicago UP.
- Tessitore, F. 1968. "Vico tra due storicismi" [in Italian]. *Il pensiero*, no. 3: 217–227.
- Vico, G. 1993. *Epistole* [in Italian]. Ed. by M. Sanna. Napoli: Morano.
- Ward, J. O. 2001. "Rhetoric: Disciplina or Epistemology? Nancy Struever and Writing the History of Medieval and Renaissance Rhetoric." In *Perspectives on Early Modern and Modern Intellectual History : Essays in Honor of Nancy S. Struever*, ed. by J. Marino and M. Schilt, 347–374. Rochester: University of Rochester Press.
- Warnick, B. 2000. "Two Systems of Invention: The Topics in the Rhetoric and the New Rhetoric." In *Rereading Aristotle's Rhetoric*, ed. by A. G. Gross and A. E. Walzer, 107–129. Carbondale: Southern Illinois UP.